

Приморский переселенческий район накануне и в годы Гражданской войны

Анна Сергеевна Заколотная,

младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: zakolodnay@mail.ru

В статье рассматриваются особенности функционирования Приморского переселенческого района накануне и в годы Гражданской войны. Значительное внимание уделяется анализу его взаимоотношений с различными властными структурами и политическими силами. Первые изменения в переселенческом ведомстве произошли весной-летом 1917 г., когда были упразднены крестьянские начальники, а количество переселенческих участков (подрайонов), как и число заведующих водворением, сокращено до пяти. Наиболее сложно складывались отношения между переселенческой организацией и земством. Первое чрезвычайное приморское областное земское собрание приняло решение о ликвидации Переселенческого управления. Его осуществление было остановлено приходом к власти Советов. Реорганизация переселенческого ведомства продолжилась при антибольшевистских правительствах, принимавших решения о передаче земству ветеринарных и медицинских пунктов, а позднее и детских приютов. Трудности с финансированием учреждения, вызванные нестабильной внутривластной обстановкой, потерей связи с Центром, инфляция привели к сокращению объёмов «традиционных» работ. Военные действия, захват теми или иными силами больниц, пунктов и иного имущества, принадлежащего Приморскому переселенческому району, нередко приводили к его разграблению, что в условиях недостатка средств затрудняло последующее восстановление. В годы Гражданской войны материальное положение служащих ведомства значительно ухудшилось. Последние вынуждены были держать подсобные хозяйства, чтобы обеспечить себя продуктами питания.

Ключевые слова: Приморский переселенческий район, Гражданская война, переселение, Дальний Восток, земство.

Primorsky Resettlement Area on the Eve and during the Civil War.

Anna Zakolodnaia, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: zakolodnay@mail.ru.

The paper deals with the peculiarities of the activity of the Primorsky resettlement area on the eve and during the Civil War. Considerable attention is paid to the analysis of its relations with various power structures and political forces. The first changes in the resettlement department occurred in the spring-summer of 1917 when the peasant chiefs were abolished, and the number of resettlement sites (subdistricts), as well as the number of heads of the resettlement

was reduced to five. The relationship between the resettlement organization and the zemstvo was the most difficult. The First Extraordinary Primorsky Regional Zemstvo Assembly decided to liquidate the Resettlement Administration. The implementation of the decision was stopped by the Soviets who came to power. The reorganization of the resettlement department continued under the anti-Bolshevik governments, which made decisions on the transfer of veterinary and medical centers and later orphanages to the zemstvo. Difficulties in financing the institution, caused by the unstable domestic political situation, loss of communication with the center, and inflation led to the reduction in the volume of the “traditional” work. The military operations, the seizure of hospitals, resettlement centers and other property belonging to the Primorsky resettlement area often led to its looting, which, in the face of the lack of funds, made subsequent reconstruction difficult. During the Civil War, the financial situation of the department’s employees deteriorated significantly. They were forced to keep subsidiary farms in order to provide themselves with food.

Keywords: Civil War, resettlement, Far East, zemstvo.

После поражения в Русско-японской войне правительство России взяло курс на поощрение переселенческого движения в Приамурский край и поддержку крестьянской колонизации дальневосточных земель. В 1906 г. заселяемые местности были разделены на особые районы, в большинстве случаев совпадающие с административными границами губерний и областей [8, с. 182]. На Дальнем Востоке действовали Амурский и Приморский переселенческие районы, в свою очередь делившиеся на подрайоны, количество которых с течением времени менялось. Во главе районов стояли заведующие, в чьи обязанности входило руководство землеотводными, землеустроительными, дорожными и гидротехническими работами, изучением новых местностей и обследованием экономического положения населения, устройством переселенцев и предоставлением им хозяйственной, медицинской и ветеринарной помощи, церковным и школьным строительством в заселяемых местностях [2, с. 5—6]. Для руководства подрайонами назначались заведующие водворением, в ряде случаев они выполняли свои обязанности на правах крестьянских начальников [1, с. 491]. Приморский переселенческий район включал в себя Приморскую, Сахалинскую и Камчатскую области [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 301 об.]. В его состав входили следующие отделы: статистический, дорожно-строительный, межевой, гидротехнический, агрономический, оброчный, корчевальный и ветеринарный, а также переселенческие и фельдшерские пункты, больницы и детские приюты. К 1918 г. здесь работало около 600 служащих [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 219. Л. 140 об.].

Первые изменения в деятельности Переселенческого управления произошли вскоре после вступления России в Первую мировую войну, в 1914 г. Дальнейшее стремительное развитие событий также оказало значительное влияние на ведомство, вынужденное адаптироваться к новым условиям. 23 февраля 1917 г. в России произошла революция, начавшаяся с женских хлебных бунтов и поддержанная рабочими 49 предприятий [3, с. 87]. Её результатами стало свержение самодержавия, создание революционных органов — Временного комитета Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов [3, с. 87—89]. После получения известий о падении монархии

во Владивостоке и Хабаровске 3 марта 1917 г. были образованы комитеты общественной безопасности. 4 марта во Владивостоке прошло первое заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, а 7 марта организовался Совет рабочих депутатов в Хабаровске [3, с. 90—91]. 8 марта краевым комиссаром Временного правительства на Дальнем Востоке был назначен депутат IV Государственной думы А.Н. Русанов [3, с. 103].

Начиная с весны 1917 г. по всей Приморской области происходили изменения во властных структурах различного уровня. 10 апреля 1917 г. министр внутренних дел князь Г.Е. Львов в телеграмме информировал об упразднении института крестьянских начальников [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 7], который окончательно будет ликвидирован в июне 1917 г. В апреле 1917 г. только на трёх участках крестьянские начальники продолжали выполнять свои обязанности. 24 июня 1917 г. состоялось заседание Приморского областного исполнительного комитета, на котором заведующий переселенческим делом в Приморской области Б.Н. Клепинин для «скорейшей организации переселенческого дела и устранения всех затруднений на пути к удовлетворению нужд новосёл» предложил вместо существующих 19 участков разделить Приморскую область на 6 переселенческих подрайонов: Хабаровский, Иманский, Спасский, Никольск-Уссурийский, Южно-Побережный и Ольгинский. Данные вопросы были также рассмотрены 26 июля 1917 г. Приморским областным по крестьянским делам присутствием, которое приняло решение разделить Приморскую область на 5 подрайонов: Хабаровский, Иманский, Никольск-Уссурийский, Южно-Побережный и Ольгинский, — выделение самостоятельного Спасского подрайона было отложено до введения земства [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 45—46 об., 60—62]. К концу лета 1917 г. на основании выборов, проведённых местными уездными организациями, заведующим Хабаровским подрайоном был назначен чиновник особых поручений Переселенческого управления Людницкий, Иманским — Брытков, Южно-Побережным — Варпаховский, Ольгинским — Устинов и Никольск-Уссурийским — землемер Назаренко [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 114. Л. 78—78 об.].

17 июня 1917 г. Временное правительство принимает постановление «О введении земских учреждений в губернии Архангельской и губерниях и областях Сибири», где указывалось, что в функции земства также входит «участие в устройении переселенческого дела в местах выхода и вселения переселенцев» [9, с. 1—2, 22]. Формирование земских учреждений на Дальнем Востоке в основном завершилось к декабрю 1917 г. [10, с. 26].

Отношения между Переселенческим управлением и земскими органами с самого начала появления последних складывались непросто, несмотря на то что первоначально заведующий Приморским переселенческим районом Б.Н. Клепинин выступал за развитие сотрудничества с земством [5, с. 11]. Он считал целесообразным оставить в распоряжении переселенческого ведомства образование колонизационного фонда, проведение дорог и мелиорацию, а медицинскую, ветеринарную, ссудную помощь и устройство переселенцев закрепить за земством [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 109. Л. 71]. 15—25 декабря 1917 г. работало Первое чрезвычайное приморское областное земское собрание, на котором было принято решение о ликвидации Переселенческого управления, поскольку одновременное существование земства и правительственных учреждений с аналогичными функциями рассматривалось как недопустимое [5, с. 65, 73, 132; 6, с. 5].

Действуя в рамках принятого решения, с 14 февраля 1918 г. Областная земская управа приступает к приёму дел переселенческого ведомства с одновременным распределением их по своим соответствующим отделам [4, с. 16—17]. Члену управы Б.Е. Сквирскому поручили принять документы и средства гидротехнической партии, отдел народного здоровья объединил все медицинские организации бывшего Врачебного отделения областного правления и Переселенческого управления, сельскохозяйственный — агрономические организации, ранее находившиеся в ведении различных ведомств (Министерства внутренних дел, Переселенческого управления и Отдела земельных улучшений), ветеринарный персонал также был зачислен в земство [4, с. 16, 28—29].

Дальнейший процесс передачи был остановлен в феврале рядом распоряжений Комиссариата земледелия СНК, потребовавшим, с одной стороны, сохранить переселенческую организацию в неизменном виде, а с другой — подчинить её контролю местной советской власти. Так, 26 февраля 1918 г. комиссаром земледелия СНК был издан циркуляр, где сообщалось, что «одной из ближайших задач Советской власти является равномерное распределение земель между всеми трудящимися, и расселение, вследствие этого, трудовых масс по всей территории» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 31]. Подчёркивалось, что, учитывая начавшееся в 1918 г. движение переселенцев, нужно привлечь персонал Переселенческого управления к его обслуживанию. Для выполнения этих задач предлагалось создать при Советах особые переселенческие секции и назначить комиссаров по переселению, которые должны были осуществлять общее руководство всеми переселенческими организациями [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 32 об. — 33].

В ответ 5 марта 1918 г. Приморская областная земская управа выпускает обращение к крестьянам, волостным и уездным земствам, сельским и земельным комитетам Приморской области, в котором заявляет, что «не взирая на приказы из Петрограда будет продолжать свою работу по окончательной приёме Переселенческого управления в своё ведение», но уже в апреле она вынуждена была признать, что у неё отсутствует возможность реализации постановления о ликвидации переселенческой организации [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 3—3 об., 11].

Эти события подтолкнули союз служащих провести 3 апреля 1918 г. съезд для обсуждения сложившейся ситуации и поиска мер по «борьбе с разрушительной деятельностью земства» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 116. Л. 40; Д. 291. Л. 295]. На съезде было избрано Временное бюро по управлению Приморским переселенческим районом, состоявшее из 9 чел., председателем которого стал заведующий переселенческим делом в Приморском районе Б.Н. Клепинин [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 116. Л. 44, 45]. 25 апреля Областная земская управа была ликвидирована [4, с. 6], а Временное бюро продолжало свою деятельность до издания 7 октября 1918 г. приказа Временного сибирского правительства, согласно которому правительственные учреждения должны возглавляться единоличными руководителями [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 295].

Несмотря на то, что советская власть выступила в защиту Переселенческого управления, структура ведомства претерпела ряд изменений. Так, по распоряжению Центрального управления в мае 1918 г., вероятно, на основании принятого Положения о землемерно-технической части при земельных отделах Советов, из переселенческого ведомства в землемерную техническую часть земельного отдела Министерства земледелия были переведены заведующие

технической частью и землемеры [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 118. Л. 25, 28]. В её состав вошли также специалисты Областной чертёжной. В октябре землемерную часть расформировали, а её сотрудники вернулись на прежнее место работы [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 295 об. — 296].

Возобновление деятельности Областного земства произошло в конце июня 1918 г., после чехословацкого мятежа (29 июня), когда члены владивостокского Совета были арестованы, а Областная земская управа и владивостокское городское самоуправление восстановлены [4, с. 8]. В ночь с 23 на 24 августа генерал Д.Л. Хорват предпринял неудачную попытку государственного переворота, 29 августа решением Общего собрания представителей уездных и городских самоуправлений и Президиума областного земского собрания полномочия центральной государственной власти в Приморской области перешли к Временному правительству автономной Сибири [4, с. 10]. После падения советской власти земство поставило перед собой две задачи: провести ликвидацию дел советских организаций и восстановить деятельность правительственных, общественных и частных организаций; вопрос о реформе Переселенческого управления был отложен до получения результатов его обсуждения Особой комиссией при Министерстве земледелия Временного правительства автономной Сибири [4, с. 17—18].

Отношения между Переселенческим управлением и Областной земской управой продолжали оставаться напряжёнными и после восстановления последней. Об этом свидетельствует документ, направленный 4 октября 1918 г. заведующим переселенческим делом в Приморском районе Б.Н. Клепининым, где он сообщал, что Первое областное земское собрание, приняв решение об упразднении Переселенческого управления, старалось дискредитировать последнее в глазах населения, публикуя воззвания с призывом «окончательно стереть с лица земли старые царские порядки». После свержения большевистской власти восстановленная управа, считая «себя единственной носителем верховной власти», стала обвинять переселенческую организацию в её поддержке и укреплении. По мнению Б.Н. Клепинина, эти действия объяснялись желанием земства получить выделяемые переселенческой организации кредиты. Тем не менее, по свидетельству заведующего переселенческим делом в Приморском районе, несмотря на все предпринятые усилия, земству не удалось настроить население против ведомства, служащие ни разу не были сняты с должности, нередкими являлись случаи, когда крестьяне выбирали их в различные общественные организации и даже в гласные земства [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 139, 295, 296 об.].

Существующие разногласия не отменяли необходимости совместной работы для решения вопросов. 19 сентября 1918 г. отдел колонизации Временного сибирского правительства разослал циркуляр № 393 с правилами передачи земствам медицинских и ветеринарных пунктов. Согласно ст. 5 этих правил, земствам передавались все пункты за исключением обслуживающих движение переселенцев и расположенных в районах планомерной колонизации. Предполагалось, что все мероприятия завершатся к 1 января 1919 г. Действительность оказалась иной. В сентябре 1918 г. Областное земское собрание приняло постановление о немедленном принятии от Переселенческого управления врачебного дела, включая и пункты, обслуживавшие движение переселенцев. По этому вопросу было проведено особое совещание, однако соглашения достигнуть

не удалось [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 170—171 об., 301—301 об.]. В конце ноября 1918 г. заведующий переселенческим делом в Приморском районе отмечал, что «организация медицинского дела... в значительной мере расстроилась» из-за действий советских и земских учреждений, и если первые, «внеся разруху в налаженное годами дело, исчезли», то вторые, несмотря на имеющиеся решения, уклоняются от принятия в своё ведение больниц. Поэтому переселенческое ведомство вынуждено принимать меры по их восстановлению [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 236—236 об.]. О том, что передача медицинских учреждений затянулась на длительный срок, свидетельствует запрос Б.Н. Клепинина в отдел народного здоровья Приморской областной земской управы от 31 марта 1920 г., где он просил назначить представителя для приёмки [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 109. Л. 116]. Заведующему переселенческим делом приходилось решать и другие проблемы. Так, например, в августе 1919 г. он направил в штаб японских войск обращение, в котором просил объяснить причину закрытия начальником японского отряда Яковлевской переселенческой больницы. 1 сентября 1919 г. был получен ответ, где сообщалось, что военные заняли госпиталь, так как он был совершенно свободным, потому что ранее находившиеся и лечившие там раненых большевики покинули деревню 19 июля, а 30 июля последние больные из числа мирных и врачебные служащие ушли в Спасское. Баракы Яковлевского врачебного пункта станут свободны от японских войск только в конце февраля 1920 г. [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 109. Л. 99, 101, 108].

10 декабря 1918 г. была утверждена инструкция о передаче земству приютов для детей переселенцев. Согласно ей, при желании земств им могут быть переданы приюты со всеми постройками и инвентарём, средства на содержание детей в течение 5-летнего срока с момента передачи выделяются только земствами [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 265—265 об.]. В Приморской области этот процесс произошёл раньше: к ноябрю 1918 г. четыре приюта перешли в ведение общественных самоуправлений, но получали субсидию от переселенческого ведомства [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 301 об.].

Финансовое положение ведомства ухудшалось с 1914 г., когда из-за вступления России в Первую мировую войну началось сокращение выделяемых средств. С каждым годом ситуация усложнялась, особенно тяжёлым положение стало в годы Гражданской войны. Отдел колонизации Министерства земледелия Временного сибирского правительства в телеграмме от 8 августа 1918 г. запретил замещение вакантных должностей и сообщил о возможном сокращении служащих [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 238]. 18 октября 1918 г. правительство направило заведующим переселенческими районами письмо, где сообщало, что текущая ситуация не позволяет выделить средства в полном объёме, поэтому предлагалось смету на 1919 г. разделить на 2 части: «а) по кредитам абсолютно необходимым и б) по кредитам необходимым». К первым относились расходы на окончание работ, остановка которых уничтожит ранее достигнутые результаты, устройство переселенцев, подготовку земельного фонда, ко вторым — затраты на более прочное устройство новосёлов, которые можно отложить на несколько лет [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 191]. При этом уже существовавшая смета на вторую половину 1918 г. была значительно сокращена [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 224].

В трудном положении оказались и служащие ведомства. Из-за роста цен на продовольствие [7, с. 63, 80] некоторые из них вынуждены были заняться

разведением свиней и домашней птицы. 10 декабря 1918 г. Б.Н. Клепинин потребовал к 1 января 1919 г. ликвидировать «животноводство на больничных и пунктовых усадьбах», считая это нарушением санитарных норм. Отношение к данному распоряжению было неоднозначным. Так, заведующий Хабаровской переселенческой больницей поддержал его, считая, что если каждый служащий станет держать 10—15 птиц, то на участке их будет около 500, что сделает поддержание чистоты невозможным, и предлагал ограничиться только огородами. Служащие же наоборот выступали против запрета, ссылаясь на изданный двумя годами ранее приказ о разведении при больницах птиц и свиней, организации огородов, обращая внимание на то, что в сложившихся тяжёлых условиях при одновременном значительном росте цен и снижении заработной платы это единственная возможность обеспечить семьи необходимыми продуктами [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 246, 248—248 об.].

Что касается выполнения основных функций переселенческого ведомства, то их объём значительно сократился. В 1917—1918 гг. Приморская область была закрыта для переселения, только к концу 1918 г. сюда стали прибывать отдельные ходоки и беженцы, причём последние не стремились получить земельный участок. К 1918 г. в области работало четыре переселенческих пункта (Хабаровский, Иманский, Никольск-Уссурийский, Владивостокский), однако, по свидетельству старшего заведующего технической частью Приморского переселенческого района В.Н. Галактионова, первые три в той или иной степени «были захвачены земствами и советской властью и теперь ещё не перешли полностью в ведение Управления». Во Владивостокском пункте главный барак занимали японские войска [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 297]. В области не отмечалось и массовое оставление участков крестьянами, наблюдался только отток переселенцев из Хабаровского уезда из-за призыва работоспособных мужчин на военную службу и Иманского — из-за сильных наводнений [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 299].

В начале мая 1917 г. был пересмотрен в сторону сокращения план землеотводных работ в Приморской области [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 645. Л. 5]. В течение 1917—1918 гг. основные усилия направлялись на завершение землемерных работ, начатых в предыдущие годы, проведение подготовительных мероприятий, обследование незаселённого фонда. На Сахалине проводилось изучение землепользования инородческих стойбищ, съёмка земельного фонда, разбивка усадебных участков в посёлках городского типа. Внутринадельное межевание в Приморской области не осуществлялось из-за призыва населения в войска, а также стремления части населения «к коммуне» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 297 об. — 298]. При этом в области происходили захваты частновладельческих и церковных земель, но свободные переселенческие участки не занимались, отмечалась также самовольная рубка леса. По мнению В.Н. Галактионова, данная ситуация сложилась из-за действий руководителей земельных комитетов, убеждавших крестьян в том, что принадлежит «вся земля трудовому народу», а это развивало у последних «хищнические стремления» и создавало аграрные беспорядки [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 298 об. — 299].

В Приморской области продолжали проводить, хоть и в незначительных размерах, гидротехнические работы, направленные на осушение заболоченных участков. Необходимо отметить, что заведующий переселенческим делом Б.Н. Клепинин считал результаты, достигнутые гидротехнической партией за шесть лет работы (с момента создания в 1913 г. до 1918 г.), более чем

скоромными. Он также отмечал, что партия нередко занималась несвойственной ей деятельностью, например, устройством семенного хозяйства в Садгороде при одновременном игнорировании запланированных работ в Иманском районе [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 239—239 об., 498—498 об.]. В области велись и корчевальные работы, но из-за высокой стоимости корчевание сплошных площадей прекратилось. При этом ведомство продолжало поддерживать крестьян, самостоятельно выполнявших данный вид работ, оказывая им техническую и материальную помощь [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 300]. Школьное и церковное строительство, снабжение новосёл сельскохоззяйственным инвентарём, семенами и лесом практически остановилось. По утверждению В.Н. Галактионова, дорожные работы, «при поддержке всех общественных организаций, шли в области полным темпом, насколько позволяли отпущенные кредиты» [РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 291. Л. 301—301 об.].

Таким образом, во время Гражданской войны переселенческое ведомство вынуждено было адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям, лавировать среди различных политических сил, в отдельные периоды пытаясь отстаивать право на само существование учреждения. Переход власти к тем или иным политическим силам зачастую приводил к реорганизации ведомства. Объём его традиционных работ сокращался, что во многом было вызвано значительным сокращением получаемого финансирования и инфляцией, а также снижением численности кадрового состава.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Азиатская Россия: Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб.: Изд-е Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 638 с.
2. Вошинин В.А. Переселение и землеустройство в Азиатской России: сб. законов и распоряжений. Петроград: Тип. Петроград. тюрьмы, 1915. 509 с.
3. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1)
4. Отчёт Приморской Областной Земской Управы за шесть месяцев ея деятельности. Владивосток: Тип. Иосифа Корот, 1918. 197 с.
5. Первое Чрезвычайное Приморское Областное Земское Собрание. 15—25 декабря 1917 года. Т. 1. Журналы и протоколы заседаний и приложения к ним. Владивосток: Тип. «Далёкая Окраина» и И. Корот, 1918. 144 с.
6. Первое Чрезвычайное Приморское Областное Земское Собрание. 15—25 декабря 1917 года. Т. 2. Доклады и материалы комиссий Областного исполнительного комитета и земского собрания. Владивосток: Тип. «Далёкая Окраина» и И. Корот, 1918. 245 с.
7. Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока: от Первой мировой до Гражданской войны (1914—1922): очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2018. 728 с.
8. Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб.: Издание Переселенческого Управления, 1909. 698 с.
9. Сборник законоположений о земстве в Сибири: с приложением статей и узаконений, на которые делаются ссылки в положениях о сибирском земстве / сост. М.И. Ельевич, С.В. Корженевский. Томск: Издание Томской губернской земской управы, 1919. VII, 201 с.

10. Сергеев О.И. Местное самоуправление в годы революционных преобразований и Гражданской войны на Дальнем Востоке // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 19. С. 23—34.
11. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. *Aziatskaya Rossiya: T. 1. Lyudi i poryadki za Uralom* [Asian Russia: Vol. 1. People and Orders beyond the Urals]. Saint Petersburg, Izd-e Pereselencheskogo upravleniya Glavnogo upravleniya zemleustroystva i zemledeliya Publ., 1914, 638 p. (In Russ.)
2. Voshchinin V.A. *Pereselenie i zemleustroystvo v Aziatskoy Rossii: sb. zakonov i rasporyazheniy* [Resettlement and Land Management in Asian Russia: Collection of Laws and Regulations]. Petrograd, Tip. Petrograd. tyur'my Publ., 1915, 509 p. (In Russ.)
3. *Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 goda i grazhdanskoj vojny* [The Russian Far East during the Revolutions of 1917 and the Civil War]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 632 p. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1) [History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 1]. (In Russ.)
4. *Otchet Primorskoj Oblastnoy Zemskoy Upravy za šest' mesyatsev eya deyatelnosti* [The Report of the Primorsky Regional Zemstvo Council within Six Months of Its Activity]. Vladivostok, Tip. Iosifa Korot Publ., 1918, 197 p. (In Russ.)
5. *Pervoe Chrezvychaynoe Primorskoe Oblastnoe Zemskoe Sobranie. 15—25 dekabrya 1917 goda. T. 1. Zhurnaly i protokoly zasedaniy i prilozheniya k nim* [The First Extraordinary Primorsky Regional Zemstvo Assembly. December 15—25, 1917. Vol. 1. Journals and Minutes of Meetings and Appendices to Them]. Vladivostok, Tip. "Dalekaya Okraina" i I. Korot Publ., 1918, 144 p. (In Russ.)
6. *Pervoe Chrezvychaynoe Primorskoe Oblastnoe Zemskoe Sobranie. 15—25 dekabrya 1917 goda. T. 2. Doklady i materialy komissiy Oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta i zemskogo sobraniya* [The First Extraordinary Primorsky Regional Zemstvo Assembly. December 15—25, 1917. Vol. 2. Reports and Materials of the Commissions of the Regional Executive Committee and the Zemstvo Assembly]. Vladivostok, Tip. "Dalekaya Okraina" i I. Korot Publ., 1918, 245 p. (In Russ.)
7. Poznyak T.Z. *Povsednevnyaya zhizn' Vladivostoka: ot Pervoy mirovoj do Grazhdanskoj vojny (1914—1922): ocherki istorii* [Everyday Life of Vladivostok from the First World War to the Civil War (1914—1922): Essays on History]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2018, 728 p. (In Russ.)
8. *Sbornik zakonov i rasporyazheniy po pereselencheskomu delu i po pozemel'nomu ustroystvu v guberniyakh i oblastyakh Aziatskoj Rossii (po 1 avgusta 1909 g.)* [Collection of Laws and Regulations on Resettlement and Land Settlement in the Provinces and Regions of Asian Russia (until August 1, 1909)]. Saint Petersburg, Izdanie Pereselencheskogo Upravleniya Publ., 1909, 698 p. (In Russ.)
9. *Sbornik zakonopolozheniy o zemstve v Sibiri: s prilozheniem statej i uzakonenyj, na kotorye delayutsya ssylki v polozheniyakh o sibirskom zemstve* [Collection of Legislative Provisions on the Zemstvo in Siberia: With the Appendix of Articles and Legalizations to Which References Are Made in the Regulations on the Siberian Zemstvo]. Comp. by M.I. El'evich, S.V. Korzhenevskiy. Tomsk, Izdanie Tomskoy gubernskoy zemskoy upravly Publ., 1919, VII, 201 p. (In Russ.)
10. Sergeev O.I. Mestnoe samoupravlenie v gody revolyutsionnykh preobrazovaniy i Grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke [Local Self-Government during Revolutionary Changes and the Civil War in the Far East]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2018, vol. 19, pp. 23—34. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 23.05.2022